

Давид ТРАХТЕНБЕРГ/РИА Новости

Голод и холод - постоянные спутники тех страшных дней. Люди из последних сил сооружали укрепления на улицах города, чтобы не пропустить врага.

Игорь КОНЯЕВ:

ТРУДНО ГОВОРИТЬ ПРАВДУ ПРО БЛОКАДУ

Елена РОДИОНОВА

■ В Петербурге в «Балтийском доме» поставили спектакль по дневникам сотрудников Эрмитажа, переживших эти страшные 872 дня.

27 января отмечаем День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Режиссер Игорь Коняев рассказал, зачем такие постановки нужны сегодня.

ЖЕНЩИНАМ СЛОЖНЕЕ

- У вас есть родные, пережившие блокаду?

- Блокаду - нет, а войну - да. Мои дед и отец воевали. Когда я думаю о войне, всегда вспоминаю тетю **Анну Георгиевну Ватулину**. Она добровольцем ушла на фронт в 1942 году, ей было тогда лет семнадцать или восемнадцать. Они с подругой прошли обучение, и их отправили в Сталинград. Эти девочки сразу попали в тот жуткий котел.

- Мальчишкой ее распрощивали?

- Пытался, но она не любила вспоминать. Говорила, что было очень страшно. От страха они иногда даже писались. Она была зенитчицей. Прошла до самого конца войны без единого ранения, Бог уберег.

Когда мужчины воюют, это понятно, но женщинам на войне гораздо слож-

нее. И это пример показательный для тех, кто никак не поймет сегодня, что такое патриотизм. Ее история - это явление абсолютного патриотизма.

- А отец что-то рассказывал?

- Никто из фронтовиков не любил об этом рассказывать. Не было охотников похвастаться подвигами. Отец был медиком, получил серьезное ранение, контузию, прошел через госпиталь...

Рассказывать правду о войне очень сложно. Страшно. Писатель Вячеслав Кондратьев написал свою повесть «Сашка» спустя много лет. И его отпустило. Сейчас, готовясь к новой постановке, я пересматривал «Блокадную книгу» Гранина и Адамовича. Они же долго добивались, чтобы блокадники заговорили! Выжившие не любят вспоминать о войне.

СТРАШНЫЙ ЗВУК МЕТРОНОМА

- Когда приехали в Ленинград, почувствовали ауру города, пережившего блокаду?

- Ленинград - особенный город. Ауру я почувствовал, конечно. Еще и потому, что в восьмидесятые метроном включали в середине дня. Не знаю зачем, может, проверяли репродукторы, систему оповещения. Все спрашивали: «Что это?» Совсем не позитивный звук. Напряженно-пугающий.

- А жители слышали его каждый день.

- К блокадникам всегда было особое отношение. Когда говорят «блокадник», всегда что-то внутри замирает. Думаешь: как это - пережить такое? Пытаешься понять.

- Как они это пережили. И выжили...

- В спектакле есть слова персонажа, он вспоминает молитву бабушки: не дай мне пережить того, что может пережить человек. Человек многое может вынести.

- Что больше всего потрясло, когда столкнулись с блокадной темой?

- Первое знакомство произошло, когда ставил спектакль по дневникам Ольги Берггольц. Это сейчас все они опубликованы, а тогда были труднодоступны. Елена Черная, которая делала сценарий, ездила в Российский государственный архив литературы и искусства, читала неопубликованные еще дневники и собирала в композицию. Эра Зиганшина играла Ольгу, Ирина Соколова - ее сестру Мусю. Берггольц в дневниках очень откровенна, и через ее записи возникла правдивая, настоящая атмосфера. Спектакль пользовался популярностью, особенно у молодежи. Зрители говорили: «А мы ничего этого не знали!»

НЕПОКОРЕННЫЕ

ЗАЩИТИЛ ДИССЕРТАЦИЮ ПОД ОБСТРЕЛАМИ

■ Жизнь в осажденном городе продолжалась несмотря ни на что.

- В «Блокадной книге» есть воспоминания сотрудника Эрмитажа, который писал о том, что блокада - это разные люди. И у каждого она своя. Эти воспоминания для меня оказались абсолютно неожиданными. Рассказы людей, по которым мы сейчас ставим спектакль, наполнены деятельным подвигом, а не подсчетом хлебных крошек. Они рассказывают, что вот спасли тонущую мебель или картину... Эти несчастные, голодные люди. Директор Эрмитажа Борис Пиотровский в это время защитил диссертацию и написал книгу про Урарту.

- Удивительные люди!

- Жизнь и желание все-таки оставаться человеком как раз продемонстрировали именно эти воспоминания. Это удивительно одухотворенные, духовные люди.

- Им даже в голову не пришло сжечь, например, что-то из мебели, чтобы согреться.

- Украли бы что-нибудь, продали, и этого, может, хватило бы, чтобы выжить в блокаду. Но это серьезное, блистательное исключение. Есть история, которая не вошла в спектакль. Ее рассказала наш научный консультант из отдела хранения рукописей **Елена Соломаха**. Эрмитажных детей эвакуировали, а вернуться они могли, только если оставались живы родители. И сотрудники усыновили всех детей, оставшихся сиротами, чтобы они попали домой, а не в детдом.

- Потрясающе!

- Эти люди - пример, которому надо подражать, не с точки зрения, как себя вести в горе, в несчастье, а в нашей обычной жизни. Не ныть, не ждать, когда тебе положат зарплату побольше, а просто трудиться, иметь какие-то идеи. И не съесть все сало самому, а поделиться с голодной кошкой на улице. Это пример, как нам жить сегодня, сейчас.

■ Многое из случившегося сейчас даже представить сложно.

НА СПЕКТАКЛИ ХОДИЛИ С ФОНАРИКАМИ

В октябре 1942 года в осажденном Ленинграде... открылся новый театр! Хотя его назвали Городским театром, жители прозвали Блокадным. Сейчас это театр имени Комиссаржевской. Зрители ходили на спектакли с фонариком, на случай отключения электричества, а при бомбежке вместе с артистами спускались в бомбоубежище.

Сотрудники театра, работавшие уже в мирное время, вспоминают, как пережили блокаду.

ЕСЛИ ГИБНУТЬ, ТО ОДНОЙ

ГРАНАТА БЕЗ ЧЕКИ

- В 1941 году я окончила семь классов, мне не было и шестнадцати лет, - вспоминает **Эрна Зотова**. - Сначала строили баррикады на улицах. Затем нас отправили на лесозаготовки. Потом нас, девушек и женщин, спросили: хотите учиться военному делу? Так я стала минером и подрывником.

На Невской Дубровке были очень страшные мины «спринг» - прыгающие. Такая мина подпрыгивала на полтора метра, шарики разлетались во все стороны. Многие погибли...

Другой раз несую гранату, а она уже без чеки, я кричу:

«Отойдите!» - не дай бог, если гибнуть, то одной. А потом командир взвода такое мне выдал!

Папа умер в январе 1942 года от голода, маленький брат - в 1943 году.

Как-то мы поехали на станцию Мшинская за продуктами. Приехали, а там объявляют про победу! Так мы на радости с лошадью целовались! А назад поехали и чуть не подорвались, еще мины оставались.

ВЫРУЧИЛА МАМИНА КОЛБА

- Помню, стояла в кровати, смотрела на стол, собирала все крошечки, что были на столе, и в рот таскала, - рассказы-

ВОСПОМИНАНИЯ

вает **Татьяна Курмаш**. - В эвакуацию нам не к кому было ехать, мама решила: умирать - так в своей постели.

Прибегал отец. Он был на Пулковских высотах старшиной медицинской службы и приносил нам часть своего пайка, сушил для нас хлеб. Один раз приходит с пустыми руками и плачет. Говорит, копил-копил неделю, а у него все украли из-под матраса.

Вся семья выжила благодаря чуду. Бабушку нашу обычно отправляли на все лето в деревню. У нее была плетеная корзина, куда целый год складывали продукты: сахар, муку, крупы. А тут бабушку еще не успели отправить, и корзинка

с нами осталась. Это оказалось большим подспорьем.

Еще мама моя сдавала кровь. На пузырьке или на колбе писали фамилию и пожелания тому, к кому это попадет. Я до сих пор помню письмо одного офицера, которого спасла эта мамина колба. Он предлагал маме руку и сердце. Мама за войну три литра крови сдала и после войны тоже была донором.

А мой дядя **Сергей Поначевный** был артистом и работал практически с самого основания нашего Блокадного театра.

Очень хорошо помню салют, посвященный снятию блокады. Это, конечно, детское впечатление, но такого яркого салюта я в жизни больше не видела!